

**Эволюция представлений российской правящей элиты
об идеальной форме управления «Малой Россией»
в 1654-1764 гг. (к постановке вопроса)²**

Малая Россия; российская правящая элита; Войско Запорожское; Гетманская Украина.

В работе рассматриваются представления российской правящей элиты об идеальной форме управления «Малой Россией» в 1654-1764 гг. и причины их эволюции. Автор анализирует недостатки сложившихся социологических схем российско-украинских отношений.

Истории региона, вошедшего в российский политический лексикон XVII–XIX вв. как «Малая Россия», досталась непростая историографическая судьба. С XIX в. в эпоху формирования современных наций и национальных мифологий история «Малой России» рассматривалась как исключительно важная часть в процессе конструирования проектов большой «русской нации» и украинской нации. Концептуальные поиски в рамках формирования проекта современной украинской нации сказались на научном восприятии истории «Малой России» в составе Российского государства. В результате этого сформировался подход, согласно которому суть всех моделей управления «Малой Россией» (Украиной–Гетманщиной–Гетманской Украиной–Украинской казацкой державой) естественным образом сводилась к уничтожению автономного статуса региона и, прежде всего, институтов казацкого самоуправления (Войско Запорожское реестровое). Главными проводниками данной политики являлись представители российской правящей элиты. Исходя из такой позиции делаются кон-

¹ Лазарев Яков Анатольевич, Лаборатория эдиционной археографии ИГНИ УрФУ (РФ, Екатеринбург), к.и.н.; 9lazarev@gmail.com.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых. Договор № 14.У30.17.97-МК от 22.02.2017 г.

цептуальные выводы о деспотическом характере Российского государства, цивилизационных различиях и культурной чуждости последнего и населения «Малой России». Этот подход, начав свое формирование в середине XIX в. (Н.И. Костомаров, П.И. Кулиш, Т.Г. Шевченко), успешно развивался на протяжении XX–XXI вв., особенно в украинской диаспорной историографии, оказав влияние на западные историческую науку и историческую социологию [1, с. 660-661; 3-4; 8; 9, с. 208]. Данный подход в полной мере представлен и в работах современных украинских (В.А. Смолий, Т.В. Чухлиб, В.Н. Горобец и др.) и российских историков (Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский, Т.Г. Таирова-Яковлева).

В контексте дискуссий последних шести лет по поводу статуса «Малой России», реформ Петра I в отношении региона (особенно в работах Т.Г. Таировой-Яковлевой) были представлены серьезные аргументы, поставившие под сомнение отмеченную социологическую схему [5, с. 192-221]. В частности, в работах современных российских историков (Б.Н. Флоря, И.В. Курукин, К.А. Кочегаров, А.С. Алмазов, Я.А. Лазарев) на материалах второй половины XVII – первой четверти XVIII в. были показаны особенности выработки политического курса в среде российской правящей элиты в отношении социальных групп «Малой России», которые не вписываются в доминирующую схему.

Согласно переговорам 1654 г., российская правящая элита не вынашивала планов по изменению управленческих практик, сложившихся в регионе до 1654 г. «Малая Россия» рассматривалась как регион, должный обеспечивать военные ресурсы и налоговые поступления в царскую казну с неказацкого населения (мещане и крестьяне). Насколько можно судить, данная модель изначально не предполагала внедрение «великороссийских» институтов управления, кроме редких анклавов царской власти, не имевших полномочий в отношении местного населения, – царские воеводы и гарнизоны в замках Киева и Чернигова. В реализации подобной модели российская сторона целиком и полностью полагалась на местные сословные группы. Первоначально роль исключительного посредника занимало Войско Запорожское и казацкие институты самоуправления, но уже на переговорах в Москве (весна-лето 1654 г.) конкуренцию им составили города, самоуправлявшиеся по Магдебургскому праву (Переяславль, Киев, Чернигов), стремившиеся обезопасить себя от казацкого самоуправления. Именно, благодаря их политической деятельности представители российской правящей элиты вместе с патриархом Никоном смогли настоять на том, чтобы роль налоговых агентов выполняли институты

городского самоуправления. Отмеченная идеальная модель управления закреплялась царской волей в специальных жалованных грамотах, где подтверждались и гарантировались права и привилегии сословных корпораций «Малой России» (Войско Запорожское, православные церковь и шляхта, города, самоуправлявшиеся по Магдебургскому праву). Собственно, права сословных групп «Малой России» определяли в своей совокупности особый автономный статус края.

Однако украинские гетманы, начиная с самого Б.М. Хмельницкого, были против того, чтобы управленческая модель, практически идентичная польской, воплотилась в реальности. В этих устремлениях украинских гетманов поддерживала часть казацкой элиты. Вплоть до поражений российских войск под Конотопом (1659 г.) и Чудновом (1660 г.) российская правящая элита стремилась запустить данную модель. Через царских посланников (А.С. Матвеев, В.П. Кикин, Б.М. Хитрово) на протяжении 1655-1657 гг. закидывались предложения о расширении военно-административного присутствия в малороссийских городах и сборе налогов [2, с. 56-93; 11, с. 119-175]. Возникшее сопротивление, приведшее к фактическому расколу «Малой России», заронила мысль в умы некоторых представителей правящей элиты, что лучшее политическое состояние региона – это удержание только левобережной части (А.Л. Ордин-Нащокин) [10, с. 18-23].

Только с приходом к власти гетмана И.М. Брюховецкого (1663-1668 гг.) московскому правительству были даны обещания («Батуриные статьи») по сбору налогов согласно переговорам 1654 г. Благодаря оживлению политической активности малороссийских городов с «магдебургиями» в среде российской правящей элиты посчитали необходимым создать 14 налоговых округов, где основную фискально-административную нагрузку должны были взять на себя представители городского самоуправления, а царским воеводам отводилась роль хранителей правопорядка и обеспечения налоговой логистики [11, с. 225-294]. Вплоть до создания Петром I Малороссийской коллегии (1722-1727 гг.) это было самое большее политическое допущение в управлении «Малой России». В результате выступления гетмана Брюховецкого царское правительство в обмен на лояльность согласилось на своеобразный неформальный «пакт» с казацкой элитой, т.е. неофициальное признание за казацкими институтами самоуправления практически полной монополии на власть в «Малой России». В таком виде неформальный «пакт» просуществовал до выступления гетмана И.С. Мазепы (осень 1708 г.).

Это неожиданное событие породило излишнюю подозритель-

ность среди российской элиты, представители которой стали задумываться о пересмотре сложившейся неформальной модели управления. Например, предложения кн. Д.М. Голицына (1710 г.) сводились к поощрению доноительства, назначению несогласных с гетманом полковников. В своих «пропозициях» Ф.С. Салтыков (1712-1713 гг.) акцентировал внимание на продвижении дворянских неженатых отпрысков на казацкие должности и межэлитарных браках [7, с. 69-70]. Подозрительность, отмеченная во взглядах Д.М. Голицына и Ф.С. Салтыкова, нашла свое отражение в изменении формата российско-украинских отношений после 1708 г. Например, при гетмане появились специальные резиденты, с 1715 г. вводился новый порядок назначений полковников (только при одобрении правительства), а в 1722-1727 гг. функционировала Малороссийская коллегия. При этом данные новации не привели к кардинальному пересмотру автономии «Малой России» и роли казацкой элиты в управлении.

Интенсификация неформальных отношений с российской элитой привела к тому, что казацкая элита превратилась в самостоятельную силу, независимо от гетмана выстраивавшую отношения с российским престолом. Например, летом 1733 г. правящая элита Гетманской Украины планировала коллективно управлять регионом. Со своей стороны, российское правительство учло это после смерти гетмана в начале 1734 г., создав Правление гетманского уряда, половину из шести членов которого должны были составлять представители казацкой старшины. Несколько позднее, в 1736 г., кабинет-министр А.И. Остерман отмечал, что адаптировать местную элиту к российским практикам удастся лишь благодаря стимулированию их собственного желания участвовать в подобной инкорпорации [7, с. 71-72]. Как показывают сохранившиеся бумаги Правления, основная управленческая нагрузка ложилась на плечи казацкой элиты³. Отмеченная модель совместного управления сохранялась до 1749 г. В рамках ее реализации российская правящая элита не считала необходимым включать налоги с малороссийского населения в царскую казну, компенсируя издержки из имперского бюджета (например, в годы русско-турецкой войны 1735-1739 гг.) [5, с. 208].

С приходом к власти гетмана К.Г. Разумовского (1750-1764 гг.) заметным образом меняется отношение российской правящей элиты к статусу украинской казацкой элиты и образу правления «Малой России». Положительная реакция российской правящей элиты на про-

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1144. Л. 391–392, 401, 407.

екты и предложения казацкой верхушки об ее дворянском (шляхетском) происхождении свидетельствовали о наличии многих точек соприкосновения, что «вписывало» казацкую элиту в общероссийские процессы и демонстрировало ее высокий статус. На этом фоне гетман Разумовский имел все шансы добиться создания наследственного княжества, чей глава обладал бы правом пожалования казацкой элиты в российские чины вплоть до подполковника. Такая тактика получила поддержку среди российской правящей элиты, выдвинувшейся при Елизавете Петровне. Однако лишь специфика представлений Екатерины II о государственном устройстве, роли монарха в управлении и подозрительное отношение к институту гетманства не позволили этому осуществиться [6, с. 77-82].

Таким образом, предварительные наблюдения относительно эволюции представлений российской правящей элиты об идеальной форме правления «Малой Россией» показывают их практически полную зависимость от конъюнктур внутри казацкой элиты (особенно с конца 1660-х гг.), когда планы по реализации модели управления 1654 г. откладываются на отдаленную перспективу. Измена гетмана И.С. Мазепы и подозрительность среди части российской элиты не привели к кардинальному изменению модели управления регионом и отстранению от власти казацкой верхушки. Наоборот, мы видим важный политический симбиоз в периоды бесгетманства (1722-1727, 1734-1749 гг.). Более того, российская правящая элита допускала появление в политическом теле Российской империи наследственного княжества во главе с К.Г. Разумовским. Однако политические ставки на Екатерину II обманули ожидания многих.

1. *Алексюн Н., Бовуа Д., Дюкрё и др.* История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009.
2. *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.
3. *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.
4. *Когут З.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини (1760–1830). Київ, 1996.
5. *Лазарев Я.А.* «Не-каноничные» версии истории Украины второй половины XVII–XVIII в. в новых исторических курсах // Исторический вестник. Т. 16 (163). М., 2016.
6. *Лазарев Я.А.* Место украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. // Вопросы истории. 2017. № 3.
7. *Лазарев Я.А.* Проект экономических преобразований на Гетманской Украине генерала И.Б. Вейсбаха 1733 г. // Славянский альманах 2016. М., 2016. Вып. 3-4.
8. *Плохий С.* Походження слов'янських націй: домодерні ідентичності в

- Україні, Росії, та Білорусі. Київ, 2015.
9. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М., 2009.
 10. *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
 11. *Шевченко Ф.П.* Історичні студії: збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження). Київ, 2014.